
ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ
23
КУРСАНТ
ИМПЕРИИ

Дмитрий Коровников
Курсант Империи - 23

https://litres.ru/74704797
SelfPub; 2026

Аннотация

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты.

P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Дмитрий Коровников
Курсант Империи - 23

Глава 1

Генерал отвернулся и пошёл обратно к вельботу.

В холле ещё висел дым, и свет прожекторов, бивший снаружи, резал его на полосы. Алиса стояла у стены, Федя наверху примеривался к перилам, и оба старательно не смотрели в мою сторону. Гордость у них была одна на двоих, и просить она не позволяла. Значит, просить предстояло мне — у человека, чей прямой приказ я нарушил. Я шагнул вслед за Ли.

— Господин генерал.

Он остановился в проломе ровно на одну фразу, и я в неё уложился.

— Как только мы улетим, они вернутся, и их, — я указал рукой на Алису и Федю, — разорвут первыми.

Ли оглядел пространство вокруг. Площадь перед ним была пуста, только у раздавленного аэрокара ничком лежал человек и не шевелился. Дальше, за краем света, в устьях переулков угадывалось движение: разбежаться толпа линчевателей действительно разбежалась, но расходиться по домам не спешила.

— Берите с собой.

Остальные доводы я так и не пустил в ход, и пальцы, сами собой сжавшиеся в кулаки, пришлось разжимать по одному. Согласился он так быстро, словно всё решил ещё до моей просьбы. Про «домыслы» из нашего последнего разговора не вспомнил ни он, ни я.

— Мы что летим?! — Федя съехал по перилам до самого низа и приземлился на обе босые пятки. — Вот на этом?

— На «этом», — улыбнулся я.

— Нас, между прочим, никто не спрашивал, — напомнила о себе Алиса.

— Я спрашиваю. Полетите?

— Сто пудов! — выпалил Федя раньше, чем сестра открыла рот.

Алиса глянула наружу, туда, где в переулках копилась темнота, и наконец на меня. Потом стянула на груди полы жилета, на котором так и не завелось пуговицы.

— Только не думай, что мы тебе теперь должны.

— Сочтёмся.

Она хмыкнула — то ли соглашаясь, то ли откладывая спор до лучших времён, и первой пошла к выходу. Брат обогнал её на пороге.

Тут ожил и Рябченко. Рука его наконец оставила козырёк, и капитан бочком, мелкими шажками, подобрался ко мне на расстояние доверительного шёпота.

— Александр Иванович… А как же наш уговор? — Он

покосился на генерала, потом на выбитые окна и сбавил голос ещё на полтона. — Вы ведь при всём участке обещали. Мне здесь теперь оставаться никак невозможно. Они вернутся, а меня в этом городе каждая собака знает в лицо. — Капитан помолчал и закончил совсем тоскливо: — И я каждую.

— Помню, капитан. — Обещание я давал вынужденно. Но давал его вслух, поэтому и просить снова пришлось вслух: — Господин генерал, капитана тоже. Я ему обещал.

Ли обернулся и посмотрел на Рябченко. Ему хватило секунды. Фуражка, рука, по привычке взлетевшая обратно к козырьку, обрубок рукава и всё, что за ними пряталось, было прочитано, подшито и закрыто.

— Капитан остаётся при своём участке.

— Господин… — начал было Рябченко и осёкся. Рука у козырька дрогнула, но с места не сошла.

Права на вторую просьбу у меня не было. Зато был довод, и при капитане его не стоило произносить.

— Разрешите на два слова, господин генерал.

Ли повёл подбородком к стойке. Мы отошли туда, откуда до капитана не долетело бы ни слова. Вблизи от ратника тянуло горячим металлом.

— К губернатору вы летите разглядеть поближе гостей. Так? — Вступлений Ли не терпел, и я обошёлся без них. — Только в лицо вы там никого не знаете. А вот этот знает всех.

Ли не перебивал. Смотрел он теперь не сквозь меня, а на меня, и я заторопился, пока это не кончилось. Рана под по-

вязкой дёргала в такт пульсу, и пульс стучал в ушах.

— Кто с кем не здоровается, кто кому кивнёт первым, кто кому должен… Капитан это заметит раньше, чем мы с вами поймём, куда смотреть.

— Откуда сведения?

— От него самого. Капитан перебрал мне всех местных тузов поимённо, пока держал меня под замком.

— Вы ему доверяете?

— Конечно, нет. — Другого ответа он не принял бы, и мы оба это знали. Доверял я этой ночью разве что карманникам, и то лишь тем, кто возвращает краденое.

— Судя по его физиономии, он продаст нас первому, кто больше заплатит.

— Сегодня больше нас ему никто не заплатит. — Я мотнул головой на пролом. — Здесь ему теперь не жить, и он это знает лучше нас. Держаться он будет за тех, кто его отсюда вывез.

Ли глянул мне за плечо, на капитана. Молчал он дольше, чем требовалось ему на любой расчёт, а считал генерал быстро.

— Ладно, берём. Но, разговаривать с ним будете вы. И отвечать за него — тоже.

Он вышел не оглядываясь, и я наконец выдохнул — осторожно, вполсилы, как теперь только и получалось.

— Собирайтесь, господин капитан.

Рябченко расцвёл, но тут же скосил глаза на плечо, ту-

да, где кончался рукав, и метнулся к себе в кабинет, оставив дверь настежь.

Я доковылял до выхода и выбрался на площадь. Ночь выдалась ясная и холодная, и после жара холла её хватило, чтобы меня передёрнуло с головы до пят. У нижнего края рампы, на самой границе света, ждала Таис. Губернатор велел ей вернуть гостей домой к восьми и отвечать за это головой. Гости возвращались с опозданием, в копоти и с прибавлением.

— Иди ты… — восхищённо донеслось из салона: Федя был уже внутри.

Алиса поднималась медленнее и на верхнем краю рампы обернулась — не на меня, а на тёмный город за площадью. Что она там оставляла, я не знал и спрашивать не стал. Длилось это недолго: после чего она шагнула внутрь так решительно, будто кто-то пытался её удержать.

— Эти дети тоже приглашены, Александр Иванович? — спросила Таис.

— Теперь — да.

— Я так и передам Михаилу Алексеевичу.

Каким тоном она это передаст, лицо её не выдавало. Она посторонилась, пропуская меня. За спиной, в участке, что-то с грохотом рухнуло, и я оглянулся. В открытую дверь кабинета было видно, как Рябченко потрошит шкаф, тот самый, с мутным зеркалом, перед которым ещё недавно прихорашивался. В зеркало на этот раз он не взглянул ни разу.

На грохот с лестницы скатился сержант со своим распух-

шим носом и застыл в дверях кабинета.

— Господин капитан, это ж мой! Не положено!

— Мой без рукава и весь в саже! — Рябченко сбросил свой на пол и полез в чужие рукава. Китель сел на него как родной: сложены они с сержантом были одинаково. — В таком прикажешь к губернатору? Изымается для служебной надобности.

— А я в чём?

— А ты остаёшься за старшего! Навести порядок, обеспечить сохранность имущества, к утру доложишь!

Сержант обвёл взглядом то, что осталось от холла.

— Какого имущества?

Но капитан уже бежал через холл, на ходу застёгивая чужие пуговицы, и на рампу взлетел с такой прытью, точно боялся, что её поднимут без него. Боялся он не зря: на последнюю пуговицу пилот времени ему не дал.

Рампа ушла вверх, пол качнулся, и участок провалился вниз вместе с площадью. Свет мы унесли с собой. Там, где только что лежал белый круг, осталась рыжая точка догорающей баррикады, и темнота вокруг неё уже ничем не мешала тем, кто ждал в переулках. Сержант остался в этой темноте за старшего. Хорошего я от него не видел, но следил за рыжей точкой, пока она окончательно не утонула за крышами.

Вельбот лёг на курс к холмам.

— Успел… — выдохнул Рябченко, рухнув в кресло.

В салоне горел ровный свет, прятаться под ним было

негде. Ли сначала снял ратник, поправил форма, только затем оглядел нас по очереди, будто принимал строй: сверху вниз, без спешки, никого не выделяя.

Федя поджал босые ноги, чёрные от сажи по щиколотку. Алиса, напротив, вздёрнула подбородок, отчего копоть на её скуле только бросилась в глаза. Капитан одёрнул китель. До меня генеральский взгляд добрался последним и задержался дольше, чем на других.

— Как самочувствие после отравления, Васильков?

— Норм, господин генерал.

Спрашивал он по делу, а не из сочувствия: рядовой, который свалится в обморок посреди губернаторского ужина, генералу был ни к чему.

Пахло от нас одинаково — участком: дымом и палёным пластиком, и только от капитана сквозь эту смесь пробивался ещё более едкий одеколон. Губернатор Устинович ждал уважаемых гостей. Генерал вёз ему погорельцев.

— В таком виде в такие дома не пускают.

— Я при погонах, господин генерал, — обиженно напомнил Рябченко. Правда погоны на нём были сержантские, но этого он ещё не замечал.

— Не тревожьтесь, — подала голос Таис. — Как только сядем, я отведу всех в служебный флигель и приведу в порядок.

Вельбот накренился, заходя на круг, и в иллюминаторы вплыл особняк.

Днём он белел на своём холме, а ночью горел. Огни бежали по обоим ярусам колоннад, по галереям, карнизам и садовым дорожкам, и холм посреди чёрной пустыни походил на флагман, который в праздник расцветили на рейде. Свет обрывался у подножия, ровно по ограде, а дальше начиналась та же темнота, в которой мы оставили участок. У дома, борт к борту, уже теснились флайкары, сиявшие лаком так, что в каждой крыше особняк отражался целиком, а со стороны города к ним тянулась цепочка новых огней. Машины подходили по одной, не обгоняя друг друга: старшинство здесь соблюдали даже в воздухе.

Федя прилип к соседнему иллюминатору и... молчал. Алиса на дом не смотрела вовсе, и это давалось ей труднее, чем Феде его молчание.

Рябченко тоже не отрывался от стекла. Над столом у него этот дом висел снятым из-за ограды, а теперь капитан глядел на него сверху вниз — впервые в жизни, надо думать.

— И этот здесь… — бормотал он, водя глазами от машины к машине.

— Садитесь с краю площадки, — приказал Ли в сторону кабины. — У флигеля.

Сели мы на самом краю, впритирку к служебному зданию, которое примыкало к дому сбоку, пониже и поскромнее, как денщик к офицеру. Рампа опустилась, и воздух после участка показался мне чистым до неприличия: в нём не было ни дыма, ни гари, из сада тянуло политой землёй, а над голо-

вой гудели турбины очередного флайкара, заходившего на посадку. Федя ступил на плиты босиком и зашипел сквозь зубы: камень был ледяной.

— Это всё одного человека? — шёпотом спросил он.

— Одного, — отрезала Алиса. — Не балуйся.

— А зачем одному столько света?

Алиса промолчала. Мне было что добавить, но Таис слушала.

— Сюда, прошу вас. — Девушка-андроид указала на неприметную дверь в торце флигеля. — Здесь нас никто не увидит.

Генерал пошёл с нами. Край площадки он выбрал не случайно: отсюда, из тени, крыльцо просматривалось целиком. На верхней ступени, в белом костюме, сидевшем безупречно, стоял Михаил Алексеевич Устинович и встречал каждого лично — так встречают тех, кому хотят показать, чей это дом. К нему поднимались местная аристократия и деловые люди с жёнами и спутницами, с крыльца долетали смех и обрывки приветствий, и для каждого у хозяина находилось слово, а для каждой дамы — лёгкий поклон и комплимент. На город внизу за оградой не оглянулся ни один.

— Александр Иванович, — зашелестел у меня за спиной Рябченко, — это же сам…

— Потом, капитан.

Он засопел, но умолк.

Нас губернатор заметил поверх голов, и просияв, замахал

рукой:

— Генерал! Прошу вас! Мы уже заждались!

Всё крыльцо разом повернулось к нам. Таис остановилась. Взгляд Ли на долю секунды ушёл к служебной двери, до которой оставалось всего ничего. Пройти мимо хозяина, который машет тебе с собственного крыльца, мог только тот, кто прилетел объявлять ему войну. Войны генерал пока не объявлял. Поэтому он сменил курс и, не сбавляя шага, бросил мне через плечо:

— Приведите себя в порядок, Васильков, и проследите за остальными. После жду вас в доме.

Глава 2

Федя понял, куда нас привели, уже развернулся к выходу, но дверь за нашими спинами закрылась сама, мягко и без стука, и щёлкнула замком так окончательно, что дёргать её он даже не попробовал.

Служебный флигель изнутри оказался светлым и тёплым и пах глаженым бельём. Вдоль стены на длинных штангах висела одежда всех размеров, от детских курточек до необъятных сюртуков, и по одним этим штангам было понятно, что гостей здесь переодевают не впервые, а их согласия не дожидаются. Встречали нас девушки той же серии, что и Таис, такие же красивые и такие же безупречно вежливые. Вежливость эту я знал с детства, по Ипполиту, и рано усвоил, что андроид, который благодарит тебя за понимание, всё уже решил и за себя, и за тебя.

— Барышню — направо, — негромко распорядилась Таис, и в голосе её не было ни приказа, ни просьбы, одно спокойное знание того, как всё будет. — Молодого господина — в ванную. Господина капитана — к швеям.

— Это я-то господин? — Федя попятился, озираясь в поисках лазейки, но каждую лазейку здесь загораживала улыбка. — Какой я вам господин! Я…

— Вы гость Михаила Алексеевича, — терпеливо пояснила ближайшая из девушек. — Следовательно, господин.

Возразить на «следовательно» Федя не сумел. Мальчишке не хватило слова, и, чтобы не стоять с открытым ртом, он нырнул под штангу с одеждой. Бегал он, как я помнил ещё по рынку, быстрее любого в городе, только и погоне торопиться было некуда. Две девушки-андроида без единого слова разошлись к концам штанги, третья протянула руку туда, где Федя вынырнул, и он, растерявшись, взялся за руку, а когда спохватился, его уже вели к ванной, бережно и под оба локтя.

— Эй, чего стоишь?! — заорал он мне через плечо. — Скажи им! У тебя ж дома свой такой есть, ты ж ихний язык понимаешь!

— Понимаю, — подтвердил я. — Поэтому и не лезу.

— Предатель!

Из ванной, дверь которой за ним ещё не успели закрыть, донеслось новое возмущение:

— Мыться?! Не буду! Я в этом году уже мылся!

— Значит, самое время, — ласково согласились с ним, и дверь закрылась.

Следом раздались плеск, вопль и тишина, такая подозрительная, что я шагнул было к двери, но тут Федя заговорил снова, и голос у него был уже не возмущённый, а потрясённый:

— Алиска… Тут вода тёплая. И сколько хочешь, не кончается!

Алиса не ответила. Она отвернулась к штангам с платья-

ми и разглядывала их дольше, чем полагалось бы человеку, которому до платьев нет никакого дела, а когда к ней подошли служанки, отступила на шаг и выставила перед собой ладонь.

— Я сама, — отчеканила она. — Мыться буду сама. Без вас.

— Разумеется, госпожа.

— И жилет мой не трогайте.

— Его только почистят.

— Его нельзя почистить. — Алиса прижала жилет локтем. — Он такой и есть.

Что в нём такого, я не знал, но держалась она за свою старую одежонку так, как держатся за последнее, что осталось.

— Тогда его сохранят таким, какой он есть, — невозмутимо пообещала Таис.

— Это твоя затея? — Алиса повернулась ко мне, не выпуская жилета.

— Знаешь же, что генеральская. Мне лишь велено за вами присматривать.

— Подсматривать?

— Присматривать.

— Утешил, — фыркнула она.

Обещание Таис она всё же взвесила, как взвешивают на рынке подозрительно дешёвый товар, и позволила увести себя направо, но у самой двери обернулась и смерила меня взглядом, после которого сомнений не оставалось: случись с

ней что-нибудь за этой дверью, спросят с меня.

Как следят за девушкой, которая моется за закрытой дверью, генерал не уточнил, устав об этом тоже молчит, и я занял единственную позицию, доступную приличному человеку: посреди комнаты, спиной к обеим дверям. Скучать на этом посту не пришлось, потому что дверь направо держала оборону громко.

— Я сказала — сама!

— Разумеется, госпожа. Мы только подержим полотенце.

— Вдвоём?!

— Оно большое.

Потом наступило затишье, и я успел решить, что стороны договорились, когда за дверью защёлкали ножницы.

— Не трогайте! Не дам стричь!

— Я только подровняю кончики, госпожа.

— Да у меня всё — кончики!

Ножницы щёлкать не перестали, а значит, своё взяли, и я с облегчением повернулся к единственному из нас, кого уговаривать не требовалось. Рябченко и не думал сопротивляться. Пока дети отбивались, он уже стоял на своей половине комнаты в одной рубашке и сам, не дожидаясь просьб, протягивал швеям сержантский китель.

— Тут вот погоны сержантские, — уточнил он. — А я всё-таки, не какой-нибудь...

— Режим швеи, — объявила одна из них, и пальцы её замелькали так быстро, что я различал только блеск иглы да

ровную строчку, которая ползла вдоль плеча будто сама по себе.

— Как ловко, — растроганно выдохнул Рябченко и тут же поманил меня пальцем, опасливо косясь на швею. — Александр Иванович, а это всё… за чей, извиняюсь, счёт?

— Я же вам обещал, капитан, — напомнил я.

— Дом Михаила Алексеевича рад своим гостям, — уточнила Таис, и уточнение это касалось не столько капитана, сколько меня.

Этого хватило. Узнав, что платит хозяин, Рябченко расправил плечи, и робость слетела с него вместе с последней сажей: из просителя он в одну секунду сделался заказчиком.

— Погоны — это хорошо, — заметил он, поворачивая китель к свету. — Только теперь рядом с ними всё остальное как с помойки. Непорядок. Вы уж, красавицы, и остальное поправьте.

Остальное подогнали, но радовался он снова недолго.

— А брючки-то рядом с кителем — сироты сиротами, — огорчился капитан. — И ботиночки рядом с брючками и вовсе подкидышами смотрятся.

За брюки с ботинками тоже взялись. Пуговицы заменили все до одной, и каждую новую он подолгу разглядывал на свет, поворачивая то так, то эдак.

— Мне кажется, вот эта тусклее, — объявил он наконец.

— Пуговицы одинаковы, господин.

— Тусклее, — с ласковым упрямством повторил Рябчен-

ко. — Порядок, он, знаете, с пуговицы начинается.

Пуговицу заменили. Когда же форма засияла целиком, выяснилось, что рядом с ней не годится сам капитан, и очередь дошла до него. Против этого Рябченко тоже ни секунды не возражал, только уселся в кресло поудобнее и потребовал пробор.

— Строгий, — уточнил он. — Слева. Как у порядочных людей.

Андроид с ножницами оглядела его макушку тем же бесстрастным взглядом, каким её подруга только что изучала фурнитуру.

— Волос хватит на один пробор, господин капитан, — сообщила она. — Слева или справа?

— Слева, — не дрогнув, подтвердил капитан.

Пока ножницы трудились, он скосил на меня глаза и понизил голос до доверительного шёпота:

— Александр Иванович, я их всех уже по полочкам разложил. Сафоновы-то, к примеру, они ведь…

Я посмотрел на Таис, которая с неподдельным интересом наблюдала за рождением пробора, и Рябченко, проследив за моим взглядом, без малейшей запинки свернул на другую дорожку:

— …они ведь, говорю, в таком, поди, и не ходят. Куда им!

Из всего, что я ему наобещал, андроидов Рябченко получил первыми, и, глядя на его лицо, я не сомневался, что именно о таких он и мечтал: красивых, исполнительных и

готовых в пятый раз переделать ему то, что и в первый было безупречно. Генералом от МВД он от их стараний, разумеется, не стал, но в полутьме перепутать его с генералом было бы уже нетрудно.

Досматривать превращение я не стал: распоряжение привести себя в порядок касалось и меня, а обходиться без посторонней помощи из всей нашей компании собирался я один.

— Позвольте вам помочь, господин, — предложила девушка, проводившая меня в душевую, тем тоном, каким предлагают чай.

— Справлюсь.

— Как вам будет угодно.

Отказ она приняла так же безмятежно, как приняла бы согласие, и оставила мне полотенце с расчёской. Мылся я быстро, по-армейски, повязку берёг от струй, как берегут на переправе оружие, подняв его над головой, и смотрел, как вода у ног из чёрной становится серой, а из серой — просто прозрачной. Отбитые места отзывались на горячую воду по очереди, каждое по-своему.

Комбинезон, брошенный мною на скамью, к моему возвращению лежал сложенным, чистым и целым. Прорехи заросли так, что я не отыскал их даже там, где помнил каждую, от крови на боку не осталось и следа, и выглядел он теперь куда лучше, чем я себя чувствовал. Расчесался я сам, и из запотевшего стекла на меня посмотрел вполне приличный

рядовой, если не заглядывать ему в глаза.

В общий холл я вышел с надеждой, что вверенные мне люди за это время хоть немного подтянулись, и первым делом застал Федю. Мальчишку одели в костюмчик, сшитый так, чтобы в нём не шевелились: узкий пиджак, жёсткий воротник, брюки со стрелками, о которые можно было порезаться. С этим костюмчиком Федя вёл позиционную войну. Он оттягивал ворот, выворачивался из пиджака, расстёгивал всё, что расстёгивалось, а приставленная к нему помощница молча возвращала всё на место, а Федя так же молча начинал сначала. Сдаваться не собирался ни один из них, только у одного терпение было вечным.

— В таком не убежишь, — пожаловался он мне, как старшему по званию.

— Тебе и не надо.

Федя глянул на меня с жалостью.

— Ага, рассказывай.

Спорить я не стал: от кого ему приходится бегать, я видел своими глазами.

Рябченко крутился перед большим зеркалом во весь рост и репетировал. Китель сидел на нём без единой морщинки, пробор лежал как по линейке, и человек в зеркале, которого в участке не узнал бы ни один сотрудник или задержанный, нравился капитану всё больше.

— Михаил Алексеевич, честь имею… — Он поклонился, остался недоволен и поклонился ниже. — Капитан Рябчен-

ко, к вашим услугам… Нет. — Он выпрямился, подумал и попробовал без поклона, с одним достоинством: — Рябченко.

— Господин капитан, — не выдержал я, — вашей фамилии там пока никто не знает.

— Узнают, — твёрдо пообещал он своему отражению.

Усмехнувшись, я повернулся к дальнему зеркалу и забыл про обоих.

Алиса сидела в кресле, запрокинув голову и закрыв глаза, а две помощницы с кисточками, склонившись над ней, неторопливо наносили последние штрихи, боясь, кажется, только одного: испортить. Стриженые волосы, ещё несколько минут назад торчавшие как придётся, легли гладко и открыли шею, длинную и тонкую, о которой я раньше и не подозревал. На ресницах, где в первую нашу встречу я разглядел лишь серую пыль, теперь лежала тушь, а платье, тёмное и простое ровно настолько, насколько бывают простыми очень дорогие вещи, сидело на ней так, что хрупкость её перестала быть мальчишеской. Слово «совершенство» я до сих пор держал за рекламное, а тут оно вдруг пришлось к месту. Сердце у меня сбилось с шага, и я остановился вместе с ним.

Алиса открыла глаза и сразу нашла в зеркале меня.

— А мне комбинезон зашили, — доложил я.

Федя бросил воевать с пиджаком, капитан застыл на полупоклоне, и только Алиса не шелохнулась. Щёки у неё под свежей пудрой порозовели, но заметить это можно было,

лишь если смотреть очень внимательно, как смотрел я.

— Опять пялишься, солдатик, — проговорила она, не поворачивая головы.

— Не шевелитесь, пожалуйста, — мягко попросила девушка с кисточкой.

Алиса послушно замерла, но смотреть на меня в зеркало не перестала, и кто из нас двоих нарушает её собственный приказ, я уточнять не решился.

— У флигеля сейчас свежо, Александр Иванович, — заметила Таис, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Спасибо, — сказал я, и вышло почему-то хрипло.

Намёк был вежливым, как всё в этом доме, и я ухватился за него обеими руками: мне действительно требовалось срочно остыть. Дверь флигеля отрезала за мной и шорох кисточек, и Федину войну, и капитанские реверансы. Я прислонился затылком к стене, дожидаясь, когда остынет лицо, но оно горело так, будто кисточками прошлись и по мне.

Зато, пока оно горело, в голове проклюнулась мысль, совершенно сейчас лишняя: надо обязательно спросить, сколько ей лет. Уточнить следовало давно, ещ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.